

УДК 316. 444. 051.63

СВЕТЛАНА ОКСАМИТНАЯ,

кандидат социологических наук, декан факультета социальных наук и социальных технологий Национального университета “Киево-Могилянская академия”

Межпоколенческая социальная мобильность в фокусе академических и социально-политических интересов

Аннотация

В статье внимание сосредоточено на значении исследований межпоколенческой социальной мобильности для понимания целостной системы социального неравенства в обществе, в частности неравенства возможностей в противовес неравенству условий или результатов. Особенность социологического подхода к социальной мобильности состоит в акцентировании неравенства именно в относительном, а не атрибутивном значении, что характерно для анализа межпоколенческой мобильности в зависимости от доходов в работах экономистов. Вопросы социальной мобильности приобрели важное социально-политическое значение в многих западных странах и международных организациях. Наряду с социальным включением и социальным капиталом социальная мобильность считается важной составляющей социального единства или сплоченности. В Украине исследованиям межпоколенческой социальной мобильности в наше время не уделяется ни должного академического, ни социально-политического внимания.

Ключевые слова: межпоколенческая социальная мобильность, социальное неравенство, социальный класс, мобильность по доходу, социальное единство

Украинскому обществу, как и любому другому, свойственна многомерная система социального неравенства и определенные институциональные механизмы и практики его воспроизводства; достоверные знания об этом составляют одну из основных задач отечественной социологической науки. Воспроизводство социального неравенства от поколения к поколению происходит в виде взаимодополняемых процессов межпоколенческой социаль-

ной мобильности и иммобильности, то есть воспроизводства детьми социальной принадлежности родителей или перехода на другие социально-статусные и классовые позиции. Жизненные шансы мужчин и женщин в значительной мере зависят от социальных обстоятельств их рождения, институциональной среды процессов социализации, получения образования, приобщения к определенным занятиям и перемещений в сфере занятости.

В отечественной социологии исследования социального неравенства и стратифицированности общества имеют преимущественно атрибутивный характер, когда неравномерное распределение социальных ресурсов и стратификацию индивидов и групп определяют по тем или иным характеристикам-атрибутам, каковыми являются доход, заработная плата, богатство, материальное обеспечение, уровень образования, власть и т.п. Гораздо реже исследуют, анализируют и обсуждают социальное неравенство в относительном понимании как неравенство шансов и возможностей. Однако применительно к современным обществам принципиально важным считается различие этих двух типов неравенств. Первый тип — это в целом неравенство условий или результатов, статусных характеристик, позиций, которые (в первую очередь позиции занятости) характеризуются неодинаковыми вознаграждениями, доступом к основным социальным ресурсам, прежде всего доходу, богатству, престижу и власти. Неравенство определяется по ряду атрибутивных характеристик индивидов и касается распределения дифференцированных вознаграждений или жизненных условий. Другой тип общеизвестен как неравенство возможностей, то есть неравенство доступа к самим статусным или социально-классовым позициям. Социальная справедливость неравенства как неодинакового вознаграждения за существенно разную работу, усилия, заслуги в целом не вызывает сомнений и возражений. Однако неравенство возможностей, неизменно воспроизводящуюся зависимость шансов индивида от аскриптивных характеристик его/ее социального происхождения признают как несправедливость. В социологии исследование неравенства возможностей обычно происходит путем выявления связи между образовательной, статусной или классовой принадлежностью индивидов во взрослом возрасте, с одной стороны, и его/ее аскриптивными характеристиками, а именно статусом занятости, уровнем образования, классовой принадлежностью родителей, условиями первичной социализации — с другой. Эта сфера интересов одной из наиболее развитых отраслей современной социологической науки — социологии социальной мобильности, и в первую очередь межпоколенческой классовой мобильности.

История социологических исследований межпоколенческой социальной мобильности, начавшись в конце XIX века, продолжается вторую сотню лет и весьма четко разделена на два больших периода, водоразделом между которыми в середине XX века стала Вторая мировая война. С 1950-х годов начался отсчет современного этапа социологии социальной мобильности, постепенно выстраивающейся на качественно иных теоретико-методологических, методических и эмпирических основаниях, нежели в первой половине XX века. Традиционно основателем социологии социальной мобильности считается выдающийся российско-американский ученый Питирим Александрович Сорокин, автор классического монографического исследования “Социальная мобильность”, изданного в Нью-Йорке в 1927 году [Сорокин, 2005]. Однако, анализируя межпрофессиональную мобильность как

передачу профессионального статуса от родителей к детям, П.Сорокин использует данные ряда проведенных ранее в шести странах эмпирических исследований, где количество изученных случаев колебалось от 62 до 24 442, и касались они, разумеется, только отдельных социальных категорий, не представляя населения ни одной страны в целом. Наиболее ранние из упомянутых П.Сорокиным исследований были осуществлены в Германии (1887–1890 годы) и Франции (1900 год). Американские социологи С.Липсет и Р.Бендикс указывают на ряд других, не упоминавшихся П.Сорокиным ранних исследований межпоколенческой мобильности в США и европейских странах. В конце 1920-х годов в ходе одного из таких опросов в Германии были собраны данные, касавшиеся социального происхождения 90 тысяч “беловоротничковых” работников — членов профессиональных союзов, что даже сейчас поражает своей масштабностью [Lipset, 1959: p. 33–38.].

П.Сорокин, безусловно, первым в социологии осуществил всесторонний, теоретически обоснованный, историко-социологический анализ мобильности как явления, свойственного любым стратифицированным общностям; других, не стратифицированных организованных социальных групп, по мнению ученого, человеческая история никогда не знала. Социальную мобильность он представляет как перемещение индивидов и социальных групп внутри “многоэтажных социальных зданий”, внутреннее строение которых имеет определенное “расположение этажей, лифты и ступени с одного этажа на другой, лестницы и прочие приспособления для подъема и спуска с этажа на этаж”. П.Сорокин детально анализирует виды и типы социальной мобильности, принципы и каналы вертикальной циркуляции, разнообразные последствия социальной мобильности и институты, осуществляющие социальный отбор и распределение индивидов, приводит множество примеров из истории разных стран и результаты эмпирических исследований. Но самое важное заключается в том, что после П.Сорокина исследования социальной мобильности постепенно утверждаются как способ видения внутреннего строения стратифицированных обществ, а также процессов социального распределения индивидов, контролируемых многочисленными социальными институтами. Проанализировав исторические источники и уже накопленные в социологии эмпирические данные касательно разных стран, П.Сорокин высказывает ряд идей, предположений и обобщений (теорем), и к отдельным из них современные исследователи вернутся только в последние десятилетия XX века.

Межпоколенческая мобильность как синоним социального неравенства

Межпоколенческая социальная мобильность представляет один из видов мобильности в целом как “движения — обычно индивидов, но порой и целых групп — между различными позициями в пределах системы социальной стратификации любого общества” [The Concise Oxford Dictionary, 1994: p. 334–335]. В социологии социальную мобильность чаще всего различают и исследуют по таким основным типам, как горизонтальная, вертикальная, структурная, циркулирующая, субъективная, внутривоколенческая и межпоколенческая (интергенерационная). Последнюю определяют как переме-

щение индивидов в другие социальные страты, классы или статусные позиции, отличные от тех, к которым принадлежат их родители.

Объектом эмпирических социологических исследований на систематических общенациональных началах межпоколенческая социальная мобильность стала только после Второй мировой войны, довольно быстро превратившись в основную составляющую современной социологии социального неравенства, классового и стратификационного анализа. Традиционная для социологии первой половины XX века концептуализация социальной мобильности, в частности межпоколенческой, радикально переосмысливается. Известные американские ученые П.Блау и О.Данкен в ряде работ, в том числе в известном исследовании структуры занятости в США [Blau, 1967], предложили и эмпирически обосновали существенно иное толкование социальной мобильности как “процесса стратификации”, то есть межпоколенческого механизма, связывающего статусы принадлежности индивида со статусами происхождения (семьи, где проходила первичная социализация). Распределение статусов занятости родителей опрошенных индивидов, на то время только мужчин, теперь уже не рассматривалось как структура занятости или рабочей силы в определенный период прошлого, безотносительно к настоящему, то есть статусам самих респондентов. Статус занятости родителей, напротив, превратился в одно из основных социальных измерений нынешнего положения индивидов, а по величине корреляции между родительскими и достигнутыми детьми статусами оценивали характер (жесткость, открытость, закрытость) социальной стратификации или социальной мобильности в обществе [Featherman, 1974]. Акцентирование тождественности понятия межпоколенческой социальной мобильности с содержанием социальной стратификации способствовало переформулированию основных задач исследователей мобильности. Наряду с описанием таблиц мобильности касательно процентного распределения исходной и привходящей мобильности ставилась задача измерить связь между двумя характеристиками индивида по происхождению и принадлежности и попытаться выяснить основные факторы и условия, прямо или опосредованно влияющие на нее. Предложенная П.Блау и О.Данкеном модель достижения статуса, фактически модель мобильности, получила название базисной модели стратификации [Blau, 1967]. Традиционная для социологии интерпретация социального неравенства как атрибутивного неравенства условий или результатов дополняется чрезвычайно важным, эмпирически обоснованным пониманием неравенства как неравенства относительного, неравенства возможностей и шансов. Считается, что инновационный подход П.Блау и О.Данкена в значительной мере основывался на идеях П.Сорокина о вертикальной мобильности и иерархичности профессий и занятий [Hout, 2004].

Таким образом, в последней четверти XX века понятие социальной мобильности утверждается в социологии как синоним неравенства, прежде всего неравенства возможностей в противовес или в дополнение к неравенству доходов и других социально-экономических ресурсов и условий. Весь послевоенный период развития социологии социальной мобильности, продолжающийся по сей день, получил самоназвание “сравнительные исследования межпоколенческой стратификации” [Ganzeboom, 1996; Treiman, 2000]. Социологи — инициаторы проведения межнациональных сравни-

тельных исследований социальной стратификации путем выявления тенденций межпоколенческой мобильности объясняли свой исследовательский интерес желанием выявить три типа касающихся социального неравенства явлений: те, что имеют универсальный характер и присущи любому обществу; вариативные в разных обществах; и уникальные для определенных обществ и конкретных исторических периодов [Treiman, 2000].

В современной социологии межпоколенческую социальную мобильность наиболее интенсивно изучают как статусную (продолжение основанной П.Блау и О.Данкеном традиции) и классовую, сравнительно реже — как межпоколенческую образовательную мобильность. Утверждению исследования социально-классовой мобильности как неравенства возможностей в последней четверти XX века способствовали две важные методические новации в этой области — классовая схема EGP и логлинейные модели для анализа данных таблиц мобильности. Концептуализация, эмпирическая верификация и всеобщее, по крайней мере общеевропейское, признание и широкое применение хорошо известной ныне классовой схемы EGP, или схемы классов Дж.Голдторпа как основы для измерения уровней и тенденций межпоколенческой социальной мобильности, способствовали накоплению значительного количества эмпирических данных в большинстве европейских стран, которые можно было использовать как для межвременных внутринациональных, так и для межнациональных сравнений состояния и динамики равенства/неравенства возможностей. Социальный класс в схеме EGP определяется через социальные отношения в рамках рынка труда и производственных организаций [Erikson, 1992; Goldthorpe, 2000].

Для получения ответа на вопрос, как и чем отличаются модели межпоколенческой социальной мобильности в индустриально развитых странах, происходит ли со временем движение в направлении большей социальной открытости, исследователям удалось решить сложную задачу, как отделить структурные влияния на мобильность, обусловленные изменениями в социальной структуре общества, от “чистой” (net) или обменной мобильности, то есть отделить и измерить относительные шансы на мобильность между выходцами из разных социальных классов. Это удалось благодаря применению логлинейных и логмультипликативных моделей анализа таблиц мобильности [Erikson, 1992; Hauser, 1978; Xie, 1992]. Межпоколенческая социальная мобильность может быть и обычно действительно является следствием ряда структурных изменений в обществе. Например, если сектор промышленного или сельскохозяйственного производства сокращается, а так называемый постиндустриальный расширяется, то дети фермеров и рабочих так или иначе будут осуществлять мобильность в результате перехода к другим занятиям. Но даже если такие дети будут чаще попадать во все увеличивающиеся классы занятий умственного и обслуживающего труда, чем представители поколения их родителей, это еще не означает, что их шансы достичь такой классовой принадлежности по сравнению с соответствующими шансами детей — выходцев из других классов будут отличаться от шансов их родителей. Даже если изменяется количественное распределение социальных позиций, неравенство шансов достичь определенных позиций может быть примерно одинаковым для поколений родителей и детей. Таким образом, исследуя межпоколенческую социальную мобильность, ученые различают две ее формы — абсолютную и относительную. Абсо-

лютная мобильность определяется как общая доля индивидов в целом или среди каждой выделенной возрастной когорты, которые изменили классовую или образовательную принадлежность по сравнению с родителями. Не изменившие социальную принадлежность считаются иммобильными. Изменение классовой или образовательной принадлежности может происходить в виде перехода либо в более высокие классовые и статусные категории, либо в более низкие. Поэтому общая абсолютная мобильность объединяет два основных подтипа: восходящую и нисходящую.

В свою очередь, относительную мобильность измеряют как соотношение шансов индивидов различного социального происхождения переместиться в тот или иной класс или остаться в классе по происхождению. Относительная мобильность концептуализируется также как социальная подвижность (*social fluidity*), связь между социальным происхождением и принадлежностью индивидов, как неравенство возможностей, как сравнительная оценка преимуществ одних социальных общностей в противовес другим. Размежевание и выявление абсолютного и относительного уровней мобильности благодаря применению логлинейных моделей позволяют рассматривать вклад в динамику уровней мобильности в целом социальной подвижности (относительная мобильность) и изменения самой структуры классовых или статусных позиций, обусловленного структурными изменениями занятости в обществе.

Основная задача исследователей социальной мобильности, как принято считать, — задокументировать и объяснить связь между классовыми или статусными характеристиками происхождения индивида и классом принадлежности как в рамках отдельных обществ, так и в сопоставлении с другими. Межнациональные сравнительные исследования систематически демонстрируют наличие неравенства в отношении шансов мобильности во всех современных индустриальных обществах. Исследовательский интерес заключается в сопоставлении имеющейся связи между классовым происхождением и классовой принадлежностью индивида в разных странах и выявлении временных тенденций к стабильности, усилению или ослаблению такой связи (иными словами, социальной подвижности). Мобильность в комплексе с социальной стратификацией оказалась феноменом универсальным, существующим в каждом обществе, и одновременно вариативным, что, разумеется, вызвало исследовательский интерес, направленный на поиск факторов вариативности режимов мобильности в разных обществах. Под пристальный взгляд ученых попадают социальные институты и их роль в процессах межпоколенческой мобильности. В итоге границы академического интереса к выявлению и объяснению вариативности режимов мобильности расширяются до намерений создать новую базисную модель социальной стратификации, которая бы охватывала основные социальные институты, прежде всего семью, образовательную систему и рынок труда, а также государство как отдельного институционального актора [Birkelund, 2006; Nolan, 2011; Smeeding, 2011].

Долгое время исследования социальной мобильности были сферой сугубо социологии, но с начала 1990-х годов в рамках экономической науки происходит быстрое становление нового исследовательского подхода — измерения межпоколенческой мобильности по доходу [Björklund, 1997; Björklund, 2009; Blanden, 2011; Bratberg, 2005; Corak, 2006; Corak, 2011; Jantti,

2006; Solon, 1992; Solon, 2002]. В контексте общеизвестного ныне углубления в большинстве развитых западных стран социального неравенства в течение последних двух-трех десятилетий в работах экономистов, содержащих сравнительный анализ межпоколенческой мобильности по доходам, высказываются предположения о вероятной связи между неравенством и межпоколенческой мобильностью и ослаблении последней среди индивидов младших возрастных когорт. Иными словами, связь между доходом родителей и доходом детей во взрослом возрасте усиливается.

Появление коллег-экономистов на исследовательском поле социальной мобильности и существенные отличия результатов их исследовательской деятельности от полученных социологами побудили последних вновь вернуться к обоснованию сути социологического подхода к социальному неравенству и причинам расхождения результатов исследований межпоколенческой мобильности как социальной (классовой) и по доходам. Социологам опять приходится объяснять суть социологического видения социального неравенства, долгосрочных тенденций его воспроизводства, в частности сквозь призму межпоколенческого воспроизводства и мобильности. Концентрация внимания со стороны экономистов на доходах или богатстве и иногда образовании как основной детерминанте дохода рассматривается как подход к неравенству в атрибутивном смысле [Goldthorpe, 2012: p. 204]. Доход, богатство и образование составляют определенные атрибуты индивидов, которых у них может быть больше или меньше. Социологи же склонны говорить о неравенстве по классовой или статусной принадлежности индивидов, то есть неравенстве в относительном и отношенческом понимании, в терминах социальных отношений, в рамках которых индивиды могут находиться в более или менее благоприятном или неблагоприятном (advantaged or disadvantaged) положении.

Хотя доход или богатство не используются как измерения классовой принадлежности индивидов по схеме EGP, Дж.Голдторп приводит убедительное обоснование наличия экономических оснований дифференциации социальных классов. Используя результаты многочисленных исследований, он демонстрирует, что при условии определения классовых позиций исходя из отношений занятости положение индивидов в терминах экономической обеспеченности, экономической стабильности и долгосрочных экономических перспектив будет иметь типичные отличия в зависимости от их классовых позиций. В целом, за исключением некоторых отклонений, индивидов разных социальных классов фактически можно рассматривать как живущих в совершенно различных экономических мирах, не только по уровню их материального обеспечения, но и, что гораздо важнее, принимая во внимание весь набор их жизненных шансов — открывающихся перед ними рисков и возможностей [Goldthorpe, 2006].

Дж.Голдторп с коллегами уже неоднократно демонстрировали и эмпирически доказывали, что значительно упрощенное экономистами толкование социальной мобильности (по доходам или заработкам) ведет к ошибочным выводам о состоянии и динамике социального неравенства в обществе, игнорированию экономических последствий дифференциации социальных классов, недооценке комплексного влияния на жизненные шансы индивида факторов социального происхождения, а не только одного дохода. Основываясь на сравнении результатов межпоколенческой социальной мобильнос-

ти по доходу, как это делают экономисты, и по классовой принадлежности на основе одних и тех же данных, социологи эмпирически подтверждают, что связь между классом происхождения и классом принадлежности индивидов значительно сильнее, чем между их доходом и доходом родителей, а также что снижение уровня доходной мобильности действительно происходит в рамках определенного режима классовой мобильности, в частности стабильности уровней мобильности относительной (а не абсолютной) с незначительными, однако бессистемными колебаниями [Erikson, 2002; Erikson, 2010; Goldthorpe, 2007; Goldthorpe, 2012]. Исследователи убеждены, что относительное неравенство важнее, поскольку имеет большую объяснительную способность, нежели неравенство атрибутивное.

Социальная мобильность как практический политический вопрос

Еще с середины XX века интенсификация внимания международного сообщества исследователей к социальной мобильности обосновывается не только теоретической, но и социально-политической значимостью последней как важного практического политического вопроса [Lipset, 1959]. Основным политико-идеологическим контекстом исследований социальной мобильности становится либерально-демократический. Макросоциальное толкование процессов мобильности оказалось близким к определенным политико-идеологическим убеждениям. Значительное внимание вопросам мобильности уделяет либеральная теория индустриального общества, согласно которой предполагается постепенное уменьшение неравенства возможностей вместе с поступательным индустриальным развитием общества и его модернизацией. По оценке Р.Эриксона и Дж.Голдторпа, либеральная теория индустриализма рассматривает знание о выявленных в индустриальном обществе уровнях и образцах мобильности как весомый вклад в стабильность либеральной демократии [Erikson, 1992]. Во-первых, это способствует легитимации существующих классовых и статусных неравенств. Если мобильность высока и основана на образовательных достижениях, то распределение экономических и символических вознаграждений будет восприниматься как справедливая отдача для более способных и мотивированных индивидов. Более высокие уровни восходящей, а не нисходящей мобильности, обусловленные структурными изменениями, будут интерпретироваться как рост количества тех, кто выиграет, а не проиграет от расширенных структурных возможностей. Во-вторых, высокие уровни мобильности рассматриваются и как гарантия стабильности либеральной демократии, уменьшения угрозы потенциальных коллективных действий на классовых основаниях. Усиление мобильности, прежде всего восходящей среди выходцев из рабочего класса, считается фактором, ослабляющим классовую идентификацию, классовую солидарность и побуждающим к поиску индивидуальных, а не коллективных действий для улучшения социального положения.

Значительное внимание со стороны либеральной теории индустриального развития уделяется социальной мобильности со второй половины прошлого века. Однако подобное толкование перспектив и социально-политического значения мобильности уходит корнями во вторую половину XIX века, когда либеральные взгляды на развитие общества противостояли марксистским толкованиям классовой дифференциации и перспектив классово-

вой борьбы. Хотя тогда ни одно из направлений по-настоящему не придавало большого значения вопросам социальной мобильности, марксистские взгляды отличались тем, что мобильность, за исключением перемещений в рабочий класс (пролетаризация), в целом рассматривали как препятствие процессу образования классов, а рекрутирование энергичных и амбициозных индивидов из низших классов в высшие как способное служить стабилизационным, антиреволюционным процессом [Goldthorpe, 1987]. Считается, что именно с появлением посвященного социальной мобильности исследования П. Сорокина происходит существенный сдвиг “от того, что можно назвать “негативным” социалистическим интересом к мобильности, то есть заинтересованности в толковании мобильности как явления, которое осложняет, препятствует или блокирует путь достижения социализма через рабочее движение, к “позитивному” либеральному интересу: интересу к мобильности как ценности, которую необходимо сохранять и максимизировать” [Goldthorpe, 1987: р. 13]. Среди современных исследователей социальной мобильности есть как последовательные критики либеральной теории индустриального общества, так и последовательные ее приверженцы, хотя одно из многочисленных обобщений продолжительного полувекового сотрудничества международного сообщества исследователей социальной мобильности составляет вывод о в целом слабом подтверждении либеральной теории модернизации.

Социалистический, правильнее было бы сказать социально-демократический, позитивный интерес к социальной мобильности возвращается во второй половине XX века как критика либеральной идеологии, ее несоответствия социальной реальности, выявленным тенденциям стабильного воспроизводства неравенства возможностей, а не его уменьшения. Увеличение открытости общества и равенства возможностей достижимы лишь путем продвижения к большему равенству условий.

В социально-политический фокус видения социальной мобильности также попадают вопросы экономической эффективности. Необходимость преодоления препятствий для социальной мобильности обосновывается не только с позиций равенства, в частности равенства возможностей, но и с позиций эффективности, прежде всего экономической. Экономическая целесообразность преодоления препятствий для мобильности заключается, во-первых, в том, что менее мобильные общества с большей вероятностью будут понапрасну растрачивать человеческие таланты, способности и умения. Во-вторых, недостаток равенства возможностей может сказываться на мотивации, усилиях и, соответственно, на экономической производительности граждан, что будет иметь негативные последствия для общей производительности и роста потенциала экономики [A Family Affair, 2010]. С большей вероятностью потенциальные способности и таланты детей из так называемых низших классов, бедных и социально неблагополучных семей будут оставаться неразвитыми и нереализованными, то есть утраченными с точки зрения экономической производительности и эффективности.

Как отмечалось, социальную мобильность считают индикатором открытости или закрытости общества. Открытому обществу присущ высокий уровень мобильности благодаря слабой тенденции передачи привилегий от одного поколения к другому; закрытому обществу — низкий уровень мобильности из-за сохранения социальных позиций из поколения в поколе-

ние. Результат исследовательской работы социологов состоит в выявлении связи между социальным (классовым, статусным) происхождением и социальной принадлежностью, наблюдении за динамикой этой связи с течением времени или от когорты к когорте, а также определении наиболее важных из вероятных факторов и институциональных практик, под действием которых эта связь ослабляется или усиливается. Действия различных институциональных акторов, прежде всего государственных институтов, могут прямо или опосредованно влиять на силу связи между социальным происхождением и принадлежностью индивидов, вызывая тем самым изменения уровней абсолютной и относительной социальной мобильности. Поэтому не удивительно, что рано или поздно академические и социально-политические интересы в плане социальной мобильности пересекаются, и соответствующие общности ученых и политиков начинают более или менее активно взаимодействовать. Результаты многочисленных исследований социальной мобильности, неравенства шансов и вероятных причин этого в определенных условиях становятся основанием для принятия политических решений и выработки конкретных мер по устранению препятствий и выравниванию возможностей индивидов. Если политика преследует цель уменьшения неравенства возможностей между детьми различного социального происхождения, то исследователи должны помочь выяснить вероятные причины таких неравенств и определить сферы, институциональные вмешательства в которые были бы наиболее эффективными. Полный цикл взаимодействия ученых и политиков-управленцев предполагает также последовательную проверку эффективности предпринимаемых мер и их результативности. В итоге современная социология социальной мобильности существует в виде двух взаимосвязанных идеальных типов социологии: как социальная наука и как так называемая камеральная социология, предназначенная для информирования и направления государственной политики [Goldthorpe, 2004].

В разных странах вопросы социальной мобильности по-разному артикулируются в контексте государственной социально-экономической политики. Хорошо известно, что, к примеру, в Швеции равенство возможностей получения образования и шансов занятости, а следовательно, классовой принадлежности, было открыто провозглашено политической целью развития страны после Второй мировой войны. И, как потом эмпирически подтвердилось результатами сравнительных межнациональных исследований, именно эта страна достигла наибольшего продвижения на пути к открытости общества, выравниванию возможностей индивидов независимо от социального происхождения в течение послевоенных десятилетий.

Ныне на фоне других западноевропейских стран заметно выделяется Великобритания, где вопросы социальной мобильности в контексте неравенства возможностей в отличие от неравенства условий постоянно находятся в центре внимания политических деятелей разных идеологических направлений, как и государственной социальной политики последовательно сменяющихся правительств. Политическая важность вопроса социальной мобильности обосновывается двумя основными причинами. Во-первых, в обществе должен соблюдаться принцип справедливости, жизненные шансы ребенка не должны определяться только или преимущественно обстоятельствами его рождения. Социальная справедливость воплощается в

необходимости предоставлять всем детям возможность для развития их потенциала. Вторая, не менее важная причина состоит в зависимости экономического развития от участия в глобальной экономической конкуренции. Чтобы развиваться устойчиво и быть экономически конкурентоспособными, необходимо максимально устранить барьеры для самореализации всех способных и мотивированных молодых людей, а не нивелировать их человеческий потенциал [Opening Doors, 2011; Unleashing Aspiration, 2009; Report from the Independent Commission, s.a.].

И прошлое правительство лейбористов в Великобритании, и ныне действующая правительственная коалиция консерваторов и либеральных демократов создают независимые комиссии по вопросам социальной мобильности для выяснения, действительно ли социальная мобильность в стране сократилась и почему мобильность остается более низкой, чем в других развитых странах, и разработки рекомендаций относительно средств выравнивания возможностей, которые касаются нескольких основных сфер, в частности детской бедности, раннего развития детей, образования, занятости, здоровья и местных общин [Opening Doors, 2011; Unleashing Aspiration, 2009]. Комитет по делам детей, школ и семей Палаты представителей в 2008 году проводит слушание по социальной мобильности с участием ведущих исследователей в сфере экономической и социально-классовой межпоколенческой мобильности [Social mobility, 2008]. Очевидно, что сейчас для британцев стало привычным постоянно слышать о социальной мобильности в выступлениях политиков и государственных чиновников; так, недавно вице-премьер-министр Великобритании Ник Клегг свое публичное выступление полностью посвятил вопросам социальной мобильности [Nick Clegg, s.a.]. Хотя то, как британские политики трактуют социальную мобильность и на основе результатов исследований какого именно типа мобильности строят заключения об уменьшении ее уровней, подвергается систематической критике со стороны исследователей межпоколенческой мобильности как социально-классовой, а не экономической мобильности по доходам [Erikson, 2010; Goldthorpe, 2007].

В течение последних лет вопросы социальной мобильности все чаще ставятся на уровне международных организаций, в частности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) и Совета Европы. В отчетах и аналитических трудах экспертов Организации экономического сотрудничества и развития вопрос социальной мобильности рассматривается в контексте обеспечения социального единства или сплоченности (social cohesion) [A Family Affair, 2010; Causa, 2009; Perspectives, 2011]. Три разные, но одинаково важные составляющие социальной сплоченности — это социальное включение, социальный капитал и социальная мобильность [Perspectives, 2011: p. 17].

Такого рода подход к интерпретации социальной мобильности распространен и в Совете Европы. В 2011 году Комитет Совета Европы по вопросам социального единства рассмотрел доклад об ускорении социальной мобильности как вклада в социальное единство, а также одобрил соответствующие рекомендации Комитета Министров Совета Европы странам-членам Совета Европы [Recommendation, 2011]. Эти рекомендации базируются на нескольких фундаментальных принципах. Во-первых, меры политики благопритствования социальной мобильности, прежде всего перераспреде-

ние доходов, равенство возможностей в плане получения образования, доступа к социальной поддержке, качественной медпомощи и рынку труда, — такие меры способны помочь формировать социальную сплоченность. Поэтому важно определить, выявить и устранить барьеры для социальной мобильности. Отдельные социально неблагополучные группы (disadvantaged groups) требуют специального внимания, поскольку подвергаются влиянию дополнительных препятствий для социальной мобильности. Во-вторых, формальное равенство возможностей требует, чтобы ни один индивид не был дискриминирован, в частности из-за его/ее принадлежности к определенной группе, и всем должен быть гарантирован одинаковый уровень прав доступа к образованию, занятости, социальному обеспечению и социальной помощи. Однако не все члены общества способны в равной мере воспользоваться предоставленными правами: дети малообеспеченных в социально-экономическом отношении родителей с меньшей вероятностью будут иметь доступ к высокодоходным социальным позициям или профессиональным категориям, чем дети высокообеспеченных родителей. Более того, плохие образовательные успехи детей из низкостатусных и малообеспеченных групп чреваты риском воспроизводства и распространения межпоколенческой эксклюзии. Исходя из этих фундаментальных принципов, в рекомендациях определены основные меры политики по ускорению социальной мобильности в таких сферах, как налогообложение и перераспределение доходов, социальный диалог между всеми сторонами принятия политических решений, дошкольное, начальное, среднее и высшее образование, занятость, социальное обеспечение и социальная защита, обеспечение жильем и оказание поддержки на местном уровне [Recommendation, 2011].

Указанные выводы и рекомендации, как отмечалось, адресованы всем странам-членам Совета Европы, к которым уже более десяти лет принадлежит Украина. Однако тут вопросы социальной мобильности не находятся даже на периферии политических интересов, намерений и стратегических планов. Вряд ли стоит перечислять все многочисленные программные документы и стратегические планы множества политических партий, а также уже многочисленных правительств и нескольких президентов независимой Украины с целым рядом президентских посланий к Верховной Раде Украины, чтобы убедиться в отсутствии там каких-либо упоминаний о социальной мобильности, а тем более упоминаний в контексте равенства возможностей, социального единства и сплоченности. Точно так же не следует ожидать, что вопросы социальной мобильности окажутся в поле зрения политика, если они активно не артикулированы даже в рамках академической и экспертной среды, а о широкой общественной дискуссии вообще не приходится говорить. В тексте подготовленного экспертами в 2009 году национального доклада о социально-экономическом состоянии страны [Соціально-економічний стан, 2009] одна из тенденций становления новой социальной структуры украинского общества очерчена как усиление неравенства благосостояния, шансов и возможностей, хотя непосредственно о социальной мобильности речь не идет. Однако сами же эксперты в целом признают, что “при отсутствии взвешенной оценки ситуации с неравенством в Украине проблема не обсуждается конструктивно в экспертных кругах и не является предметом целенаправленного воздействия со стороны законодательной и исполнительной ветвей власти” [Соціально-економічний стан, 2009:

с. 371]. В национальном докладе, посвященном новому курсу реформ в Украине на период, совпадающий со временем пребывания на посту действующего президента страны, лишь попутно упоминается социальная мобильность, да и то в контексте инвестиций в образование, которые должны предоставить возможность улучшить качество образовательных услуг, обеспечить фундаментальность и практическую направленность образовательных программ, создать условия для возрастания социальной мобильности и активности молодежи [Новый курс, 2010: с. 185], а о социальном неравенстве как неравенстве возможностей и шансов вообще не упоминается.

Если в западной социологии накоплен огромный объем эмпирических данных, в том числе сравнительных, в отношении описания различных этапов и факторов процесса социального воспроизводства и мобильности, а на первый план выходит необходимость формулирования убедительных, прежде всего институциональных объяснений, то в отечественной социологии весьма остро стоит проблема нехватки различных эмпирических данных, на основе которых можно было бы начинать выстраивать объяснительные схемы многокомпонентного механизма воспроизводства социального неравенства в целом, неравенства возможностей в частности, в том числе возможностей осуществления социальной мобильности.

Очевидно, активизировать в широком понимании политический интерес к вопросам социальной мобильности невозможно без активизации академической заинтересованности и исследовательской способности анализировать и объяснять состояние, многочисленные аспекты и механизмы воспроизводства социального неравенства в украинском обществе, включая неравенство возможностей. По результатам собственного исследования [Оксамитна, 2011] автор может утверждать, что в украинском обществе с середины XX века в целом неизменным остается неравенство возможностей получения образования, соответствующей ему занятости и классовой принадлежности. Для мужчин и женщин наблюдается стабильность режима классовой и образовательной мобильности, то есть социальной подвижности в разрезе пяти последовательных возрастных когорт в течение продолжительного советского периода второй половины прошлого века и во время перехода от социалистической к капиталистической модели развития в начале века нынешнего. Такое постоянство предполагает высокий уровень иммобильности (социального воспроизводства) в верхней части классовой структуры общества и ограниченные относительные шансы мобильности в любом направлении между верхними и нижними классовыми категориями. Поскольку относительная мобильность оставалась преимущественно неизменной, а уровни абсолютной мобильности динамично менялись, то общая мобильность мужчин и женщин обуславливалась прежде всего структурными изменениями в экономике и сфере образования страны.

Образование составляет основной опосредующий фактор классовой мобильности, однако ни образовательные реформы советского периода, экспансия и обязательность среднего общего образования, ни многочисленные изменения правил и институциональных путей перехода к высшему образованию не привели к уменьшению образовательного неравенства в смысле неравенства шансов получения высших уровней образования. Меры государственной политики по выравниванию шансов, в первую очередь меры позитивной дискриминации (квоты, льготы при зачислении, подгото-

вительные отделения вузов и т.п.) хоть и не привели к уменьшению неравенства шансов, тем не менее давали возможность удерживать образовательное неравенство на более или менее стабильном уровне. Так же и экспансия высшего образования в течение постсоветских десятилетий до сих пор не способствовала выравниванию возможностей. Обусловленные социальным происхождением различия образовательных достижений оказались довольно устойчивыми к институциональным мерам образовательного реформирования и образовательной экспансии. Более того, среди представителей самого молодого поколения взрослых наблюдается значительное усиление образовательного неравенства, уменьшение шансов получения высшего образования для выходцев из семей, где родители имеют профессионально-техническое образование, общее среднее и особенно неполное общее среднее.

Украинское общество, особенно в конце советского и в течение постсоветского периода, очевидно, нельзя считать меритократическим в том понимании, что с достижением определенного уровня образования классовое происхождение человека уже не влияет на классовую принадлежность. Перемещение индивидов на определенные позиции занятости и соответствующей классовой принадлежности при одинаковом уровне полученного образования, вероятно, в значительно большей мере обусловлено классовым происхождением, что особенно характерно для представителей младшей когорты на фоне экспансии высшего образования в Украине.

Жизненные шансы мужчин и женщин остаются в значительной степени зависящими от социально-классовых обстоятельств их рождения. Неравенство создает препятствия для социальной мобильности, начиная с периода раннего развития ребенка, во время обучения в школе, перехода к высшим уровням образования, выхода и продвижения на рынке труда. Скорее всего, обобщения, сделанные двумя известными исследователями социальной мобильности Дж.Голдторпом и Р.Эриксоном, вполне приемлемы и для украинского общества: "... межпоколенческое неравенство характеризуется существенной способностью самоподдержания. Оно создает условия, при которых индивиды, занимающие менее благоприятные и привилегированные позиции, выбирают такие варианты действия, которые сами они понимают как адаптивные и довольно рациональные..., что в целом способствует поддержанию статус-кво. Нельзя ожидать, что образовательная экспансия и реформа сами по себе будут служить эффективным инструментом социальной политики, направленным на создание большего равенства... Это потребует дополнительных усилий для сокращения неравенств условий, в частности классовых неравенств в отношении экономического обеспечения, стабильности и социальных перспектив" [Erikson, 2002: p. 42]. Очевидно, что в основе данного обобщения лежит сделанный еще П.Сорокиным в начале прошлого века вывод о том, что формы социальной стратификации как контекст мобильности сами представляют собой дифференцированные структуры власти и преимуществ, а значит, обладают важными свойствами самоподдержания.

Украина имеет огромный потенциал развития, реализация которого могла бы привести к существенным структурным изменениям, как это было в высокоразвитых странах в течение XX века, в частности к сокращению занятости малоквалифицированным физическим трудом и расширению за-

нятий висококваліфікованим умственным трудом, занять професіональних, управленческих, по предоставлению информационных и иных услуг. На языке социологии социальной мобильности это означало бы увеличение мест на средних и верхних уровнях классовой структуры, и вместе с тем рост восходящей социальной мобильности. При условии внедрения ряда социальных, образовательных и экономических институциональных практик выравнивания условий и возможностей вполне реально было бы достичь и выравнивания шансов, и большей открытости общества. Однако сегодня это звучит как социологическая утопия, учитывая политические, экономические и социальные реалии нашей жизни. Классовым интересам власть имущих и обслуживающей их бюрократии вряд ли соответствует большая открытость общества и выравнивание шансов. До сих пор история свидетельствовала, что в классовом обществе изменения возможны только путем коллективных действий на почве солидарности и организации, путем классовых конфликтов по поводу не только перераспределения ресурсов, но и условий и правил их накопления и использования, в том числе ресурсов человеческого развития. Едва ли нам удастся избежать этого пути.

Источники

Новий курс: реформи в Україні. 2010–2015 : нац. доповідь / за заг. ред. В.М. Гейця [та ін.]. — К. : НВЦ НБУВ, 2010. — 232 с.

Оксамитна С. Міжгенераційна класова і освітня мобільність / Оксамитна С. — К. : НаУКМА : Аграр Медіа Груп, 2011. — 287 с.

Сорокин П.А. Социальная мобильность / Сорокин П.А.; пер. с англ. М.В. Соколовой; под общ. ред. В.В. Сапова. — М. : Academia : LVS, 2005. — 588 с.

Соціально-економічний стан України: наслідки для народу та держави : нац. доповідь / за заг. ред. В.М. Гейця [та ін.]. — К. : НВЦ НБУВ, 2009. — 687 с.

A Family Affair: Intergenerational Social Mobility across OECD Countries [Electronic resource] // Economic Policy Reforms: Going for Growth. — Paris : OECD Publishing, 2010. — P. 181–198. — Mode of access : <http://www.oecd.org/dataoecd/2/7/45002641.pdf>.

Birkelund G. Welfare states and social inequality: Key issues in contemporary cross-national research on social stratification and mobility / Gunn Elisabeth Birkelund // Research in Social Stratification and Mobility. — 2006. — Vol. 24. — P. 333–351.

Björklund A. Intergenerational income mobility in Sweden compared to the US / Anders Björklund, Markus Jäntti // American Economic Review. — 1997. — Vol. 87. — P. 1009–1018.

Björklund A. Intergenerational income mobility and the role of family background / Anders Björklund, Markus Jäntti // Handbook of Economic Inequality / W. Salverda, B. Nolan, T. Smeeding (eds.). — Oxford : Oxford University Press, 2009. — P. 491–521.

Blanden J. Understanding the Mechanisms behind Intergenerational Persistence: A Comparison between the United States and United Kingdom / Jo Blanden, Kathryn Wilson, Robert Haveman, Timothy Smeeding // Persistence, Privilege, and Parenting: The Comparative Study of Intergenerational Mobility. — N. Y. : Russell Sage Foundation, 2011. — P. 29–72.

Blau P. The American Occupational Structure / Peter Blau, Otis Duncan. — N. Y. : Wiley and Sons, 1967. — 520 p.

Bratberg E. Intergenerational Mobility: Trends Across the Earnings Distribution [Electronic resource] / Espen Bratberg, Oivind A. Nilsen, Kjell Vaage // IZA Discussion Paper. — 2005. — № 1517. — Mode of access : <http://repec.iza.org/RePEc/Discussionpaper/dp1517.pdf>.

Causa O. Intergenerational Social Mobility in European OECD

Countries / O.Causa, S. Dantan, Å. Johansson. — OECD Economics Department Working Papers, № 709. — OECD Publishing, 2009. — Mode of access : <http://dx.doi.org/10.1787/223043801483>.

Corak M. Do Poor Children Become Poor Adults? Lessons From a Cross Country Comparison of Generational Earnings Mobility / Miles Corak // Research on Economic Inequality. — 2006. — Vol. 13, № 1. — P. 143–188.

Corak M. Economic Mobility, Family Background, and the Well-Being of Children in the United States and Canada / Miles Corak, Lori Curtis and Shelly Phipps // Persistence, Privilege, and Parenting: The Comparative Study of Intergenerational Mobility. — N. Y. : Russell Sage Foundation, 2011. — P. 73–108.

Erikson R. The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies / Robert Erikson and John Goldthorpe. — Oxford : Clarendon Press, 1992. — 429 p.

Erikson R. Intergenerational Inequality: A Sociological Perspective / Robert Erikson, John Goldthorpe // Journal of Economic Perspectives. — 2002. — Vol. 16, № 3.

Erikson R. Has social mobility in Britain decreased? Reconciling divergent findings on income and class mobility / Robert Erikson, John Goldthorpe // British Journal of Sociology. — 2010. — Vol. 61, № 2. — P. 211–230.

Featherman D. Toward Comparable Data on Inequality and Stratification: Perspectives on the Second Generation of National Mobility Studies / David Featherman, William Sewell // American Sociologist. — 1974. — Vol. 9, № 1. — P. 18–25.

Ganzeboom H. Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations / Harry Ganzeboom, Donald Treiman // Social Science Research. — 1996. — Vol. 25, № 3. — P. 201–239.

Goldthorpe J. Introduction. Social Mobility and Social Interests / John Goldthorpe, Catriona Llewellyn, Clive Payne // Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. — Oxford : Clarendon Press, 1987. — P. 1–36.

Goldthorpe J. On Sociology: Numbers, Narratives and the Integration of Research and Theory / John Goldthorpe. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 337 p.

Goldthorpe J. Sociology as Social Science and Cameral Sociology: Some Further Thoughts / John Goldthorpe // European Sociological Review. — 2004. — Vol. 20, No. 2. — P. 97–105.

Goldthorpe J. The Economic Basis of Social Class / John Goldthorpe and Abigail McKnight // Mobility and Inequality: Frontiers of Research from Sociology and Economics / ed. by L. Morgan, D. Grusky, G. Fields. — Stanford : Stanford University Press, 2006. — P. 109–136.

Goldthorpe J. Intergenerational class mobility in contemporary Britain: political concerns and empirical findings / John Goldthorpe, Michelle Jackson // British Journal of Sociology. — 2007. — Vol. 58, № 4. — P. 525–546.

Goldthorpe J. Back to Class and Status: Or Why a Sociological View of Social Inequality Should Be Reasserted / John Goldthorpe // Reis. — 2012. — № 137. — P. 201–216.

Hauser R. A Structural Model for the Mobility Tables / Robert Hauser // Social Forces. — 1978. — Vol. 59, № 3. — P. 919–953.

Hout M. How inequality might affect intergenerational mobility / Michael Hout // Social inequality. — N. Y. : Russell Sage Foundation, 2004. — P. 969–987.

Jantti M. American exceptionalism in a new light: a comparison of intergenerational earnings mobility in the Nordic countries, the United Kingdom, and the United States [Electronic resource] / [M. Jantti, M. Bratsberg, K. Roed, R. Raaum, R. Naylor, E. Osterbacka, A. Bjorklund, T. Eriksson] // IZA Discussion Paper, № 1938. — 2006. — Mode of access : <http://repec.iza.org/RePEc/Discussionpaper/dp1938.pdf>.

Lipset S. Social Mobility in Industrial Society / Seymour Martin Lipset, Reinhard Bendix. — Berkeley : University of California Press, 1959. — 309 p.

Nick Clegg delivers speech on social mobility [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.libdems.org.uk/news_detail.aspx?title=Nick_Clegg_delivers_speech_on_social_mobility&pPK=38cf9a88-0577-403e-9dcb-50b8e30ed119.

Nolan B. The Role of Social Institutions in Inter-Generational Mobility / Brian Nolan, Gosta Esping-Andersen, Christopher T. Whelan, Bertrand Maitre, and Sander Wagner // Persistence, Privilege and Parenting: The Comparative Study of Intergenerational Mobility. — N. Y. : Russell Sage Foundation, 2011. — P. 331–368.

Opening Doors, Breaking Barriers: A Strategy for Social Mobility. — London : HM Government, 2011. — 87 p.

Perspectives on Global Development 2012 : Social Cohesion in a Shifting World. — Paris : OECD Publishing, 2011. — 260 p.

Recommendation CM/Rec(2011)9 of the Committee of Ministers to member states on fostering social mobility as a contribution to social cohesion (Adopted by the Committee of Ministers on 21 September 2011 at the 1121st meeting of the Ministers' Deputies) [Electronic resource]. — Mode of access: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM/Rec%282011%299&Language=lanEnglish&Site=DC&BackColorInternet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864>.

Report from the Independent Commission On Social Mobility [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.tuc.org.uk/extras/Social_Mobility_Report_Final.pdf.

Smeeding T. Introduction / Timothy Smeeding, Robert Erikson, Markus Jantti // Persistence, Privilege, and Parenting: The Comparative Study of Intergenerational Mobility. — N. Y. : Russell Sage Foundation, 2011. — P. 1–25.

Social mobility. Oral Evidence given by Dr. John Goldthorpe, Professor Stephen Machin, Dr. Jo Blanden, 2008 [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200708/cmselect/cmchilsh/281/281-i.pdf>.

Solon G. Intergenerational Income Mobility in the United States / Gary Solon // American Economic Review. — 1992. — Vol. 82, № 3. — P. 393–408.

Solon G. Cross-Country Differences in Intergenerational Earnings Mobility / Gary Solon // Journal of Economic Perspectives. — 2002. — Vol. 16, № 3. — P. 59–66.

The Concise Oxford Dictionary of Sociology / ed. by Gordon Marshall. — Oxford : Oxford University Press, 1994. — 573 p.

Treiman D. The Fourth Generation of Comparative Stratification Research / Donald Treiman, Harry Ganzeboom // The International Handbook of Sociology. — London : Sage, 2000. — P. 123–150.

Unleashing Aspiration: The Final Report of the Panel on Fair Access to the Professions [Electronic resource]. — Mode of access : <http://www.bis.gov.uk/assets/biscore/corporate/migratedd/publications/p/panel-fair-access-to-professions-final-report-21july09.pdf>.

Xie Y. The Log-multiplicative Layer Effect Model for Comparing Mobility Tables / Yu Xie // American Sociological Review. — 1992. — Vol. 57, № 3. — P. 380–395.